

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ

РАССКАЗЫ
О РОДИНЕ

Дмитрий Глуховский

Рассказы о Родине

«АСТ»

2010

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глуховский Д. А.

Рассказы о Родине / Д. А. Глуховский — «АСТ», 2010

ISBN 978-5-17-067175-5

«Рассказы о Родине» — смелая, чуть ли не наглая книга. Возможно, первая попытка дать новое — честное, точное — описание нашей страны за долгое время. Настоящий и фальшивый патриотизм, Россия живая и Россия телеэкранная, власть и люди... Дмитрий Глуховский берется за самые важные, самые острые темы сегодняшней нашей жизни и говорит о них тем тоном, которым при СССР рассказывали политические анекдоты. Острая, искренняя, наблевшая книга. Бомба. Смех сквозь слезы. Новая литература.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-067175-5

© Глуховский Д. А., 2010
© АСТ, 2010

Содержание

From Hell	5
Че почем	15
Протез	21
Панспермия	26
Перед штилем	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Глуховский

Рассказы о Родине

Все имена героев, организаций, компаний и государств в этой книге являются вымышленными, и совпадения их с именами и названиями реально существующих людей, организаций и государств – случайны.

From Hell

– Михаил Семенович! Проснитесь! Там такое... – потряс профессора Штейна за плечо ассистент.

Профессор закричал и повернулся на другой бок. Ничего «такого» в этой бездарной и бессмысленной экспедиции быть не могло. Ничего, кроме кровожадной мошки, способной, наверное, сожрать за десять минут целую корову. Ничего, кроме комаров размером с откормленную дворнягу, ничего, кроме пота и водки. Да, еще пыль, грязь и камень.

Поперся на старости лет.

– Пшел, – предложил Штейн ассистенту.

– Михаил Семенович! – Тот не сдавался. – Михаил Семенович! Бур провалился! И мы что-то нашли!

Профессор раскрыл глаза. Сквозь брезент палатки просачивались первые лучи восходящего солнца. У изголовья валялась пачка анальгина и граненый стакан. Рядом лежала общая тетрадь с его теоретическими выкладками. Когда экспедиция закончится, он сможет мелко нарезать эти клетчатые листочки, заправить их подсолнечным маслом и сожрать. Зря потраченное время. Потому что, если Штейн посмеет представить свои теории в Академии наук, там научные оппоненты поместят в него эту тетрадь уже своим способом. Ректально.

– Михаил Семенович! – отчаянно протянул ассистент. – Люди всю ночь работали... Вас только в последний момент уже стали будить, когда поняли, что нашли...

– Что нашли? – наконец очнулся профессор.

– Мы не знаем!

Штейн вскинулся, зябко обнял волосатые плечи, выдохнул:

– Ладно. Иди там... Я сейчас. Соберусь...

Неужели они нашли то, за чем ехали в эту идиотскую экспедицию? Экспедицию, из-за которой он поругался с женой. Из-за которой пошел на обострение со своим хроническим простатитом и остеохондрозом... А ведь вроде научились мирно сосуществовать за последние двадцать лет! В экспедицию, из-за которой Штейн после мирной кабинетной работы решил снова выбраться в поле.

И зачем ему это все было?

А затем, что довольно успешный и довольно признанный доктор геолого-минералогических наук, профессор Михаил Семенович Штейн, советский и российский ученый, был совершенно недоволен своим положением. Он шел в науку, чтобы стать великим. Чтобы сделать открытия, которые смогли бы перевернуть мир. А наработал в лучшем случае только на полторы строчки в энциклопедии. И случись ему откинуть копыта, эти бессмертные ослы в Академии наук еще придут потоптаться на его могиле, а потом сделают все возможное, чтобы стать в полторы строчки даже не включали в переиздание! Вражье...

– Господи, да что же там такое?! – вскрикнула на улице девушка.

Бабы.

Штейн натянул портки, посадил на нос очки – как у Киссинджера, – напялил накомарник и ткнул непослушные ноги в резиновые сапоги. Век бы он не видал этой полевой романтики! Отчего-то, когда с возрастом становится невозможно крутить башкой по сторонам, пропадает и желание ею крутить. А вот какой у него замечательный и уютный кабинет! Там тепло и нет клещей, и нет мошки, и сортир в десяти шагах по коридору, и, чтобы вскипятить чай, не надо посылать никого за водой к реке...

А тем временем именно в этом кабинете он сделал важнейшее открытие: предположил новое место разлома земной коры. Если он оказался бы прав, всего через три-четыре миллиона лет территория нынешней России окажется разорвана между двумя новыми континентами! А это уже вопрос государственный.

Но, конечно, за такую крамолу первосвященники из Академии сразу его распнут. Если только он не сумеет предоставить доказательств... Пробы пород... Свидетельства процессов, которые идут уже сейчас – пока на больших глубинах...

Назавтра после своего юбилея – праздновал семьдесят пять – он все-таки решился. Скрупулезно рассчитал, где должно находиться искомое место, договорился со старым другом, который из геологоразведки пошел в директоры горнодобывающего комбината, выбил грант, поссорился с женой, забил полчемодана лекарствами, проворочался трое суток в поезде, потом протрясся еще трое на «козле» по бездорожью, а теперь вот уже полгода торчит в сибирской глуши.

И все тщетно.

– Профессор! Ради бога, взгляните на это!

Мамонта кусок, что ли, откопали? Или трилобита какого-нибудь?

Штейн откинул полог палатки, прошаркал мимо охраны за частокол – мало ли в тайге зверья – и остановился у входа в шахту. Вокруг толпились рабочие, геологи, стоял с двустолковой наперевес сторож. Люди испуганно перешептывались, тыча пальцами...

Что же там такое?! Штейн протиснулся внутрь круга.

В середине лежала, подергивая огромными кожистыми крыльями, омерзительная тварь. Из разможенной плоской башки натекала лужа черной крови. Взгляд зеленых глаз с узкими горизонтальными зрачками был неподвижен. Но веки опускались и поднимались еще время от времени, а ребра вздымались в редких тяжелых вздохах.

– Никита подстрелил, – сообщил Штейну ассистент, кивая на алкоголика сторожа.

– Я сначала думал – белочка, – икнул Никита, зачем-то вытирая руки о грязный тельник. – То есть – все, белочка.

Профессор подошел к твари поближе и ткнул ее резиновым наконечником своей палки.

– Откуда оно взялось? – спросил он.

– Из шахты, – отозвался кто-то из рабочих.

– И как же, интересно, оно попало в шахту? – обернулся на голос Штейн.

– Оно там... было, – шепотом ответил рабочий. – Мы его освободили.

– Исключено, – отрезал профессор. – На глубине три километра? Это антинаучно!

Внезапно бестия вздрогнула и подняла голову. Горизонтальные, словно у козы, зрачки, совершенно неуместные на отвратительной хारे, нацелились на Штейна. Пасть, на акулий манер усеянная острыми клыками, раскрылась...

И тварь загоготала.

Чудовищный, невозможный звук: смесь хохота и басовитого, слишком низкого для человеческого горла бараньего бляения.

Отсмеявшись, она запрокинула голову и подохла. А еще через несколько минут, когда солнце окончательно вышло уже из-за сопки, под его прямыми лучами туша вдруг задымилась и сгинула.

– Антинаучно, – глядя на бурую лужицу сквозь запотевшие очки, повторил Штейн.

* * *

«Россия поможет Ирану построить ядерный реактор» – ползла по экрану новостная строчка. Диктор что-то шлепал губами, но звук у этих телевизоров был не предусмотрен.

«Черт знает что происходит, – покачал головой профессор. – Зачем нам это? Ради миллиарда-другого? Неужели не понимают, что может жахнуть на весь Ближний Восток?»

Впрочем, спасибо. Хоть ненадолго отвлекся... Потому что сейчас, в минуты вынужденного безделья – пока не позовут на посадку, Михаилу Семеновичу было совсем непросто в одиночку отбиваться от насевших тревожных мыслей.

Из проклятого иркутского аэропорта Штейн улетал с некоторым страхом. После обнаружения странного создания над экспедицией словно повис страшный рок. Сторож спился и утонул, занятые на шахте рабочие после очередной смены сбежали в тайгу и пропали там с концами, одного из геологов неожиданно поразил лунатизм, и во сне он попытался с топором пробраться в профессорскую палатку.

Что место нехорошее, можно было сообразить и раньше.

Например, когда выяснилось, что ровно в той точке, где Штейн собрался бурить, находится старая шахта. Кто и когда тут копал, установить было нельзя. Самое раннее – при Ермаке. В шахте нашли кости – совсем уже истлевшие, но, несомненно, человеческие.

Бригадир рабочих, из местных, насупился, напросился к профессору на конфиденциальный разговор и сообщил, что бурить тут не советует, а если Штейну очень надо, то его люди согласятся только за двойную плату. Профессор сбил цену на семьдесят процентов. Бригадир сумел-таки перебороть суеверия по компромиссной цене. Но, возможно, стоило к нему прислушаться...

Потом – эта история с крылатой тварью, так и не получившая никаких вразумительных объяснений.

А потом...

А потом бур повис над бездной.

Огромной, нескончаемой пустоты. Вроде пещеры – если забыть, что на такой глубине никаких пещер быть не могло. И одно это открытие уже обещало профессору некоторое бессмертие.

Только теперь как докажешь?

После того, как бригадир спустился в шахту с ящиком динамита и подорвал себя там на километровой глубине?

Теперь уже никому ничего не докажешь.

Что уж говорить об открытии настоящем, ошеломляющем, которое было сделано вскоре после обнаружения пустот? Профессор – атеист советской чеканки и космополит по безвыходности – сжал в руке образок. Нет, лучше не заикаться даже.

– Иркутск – Москва, на посадку! – завопила пергидрольная хабалка в старорежимной униформе.

Штейн украдкой прижал образок к губам.

Было бы неудобно, если бы коллеги застали за целованием иконы. Хотя, говорят, Эйнштейн вот верил – и ничего. А хоть бы даже и застали! В такой истории подстраховаться перед полетом не помешает...

А что в Москве? Куда он там сунется со своей доказательной базой? Чего стоят свидетельства геологов, половина из которых летит домой в смиренных рубашках? И все, что у Штейна есть в арсенале, – электронные файлы с записанными звуками, – в бездну спускали эхолоты и микрофон. Теперь, если файлы не размагнитятся и не сотрутся по пути назад, у него

есть записи страшных воплей, чрезвычайно похожих на человеческие, и рычания неизвестных чудищ.

Маловато, чтобы перевернуть вверх тормашками всю науку.

Недостаточно, чтобы обосновать совершенное Штейном открытие.

А ведь он открыл Преисподнюю!

* * *

– Дедушка, тебя к телефону! – выговорила Алиса.

– Спасибо, зайка моя, иду!

Михаил Семенович нехотя оторвался от своего старого компьютера. Подумал, распечатал страницу, положил ее в стопку и придавил сверху булыжником селенита. Набиралась уже довольно внушительная пачка. Его крестовый поход на Академию наук. Пусть старперы горят на кострах Инквизиции! Ведь Инквизиция теперь непременно потребуется... Ничего, просто немного перепрофилируют одну действующую организацию, которая прилично набила руку в охоте на ведьм.

Идти недалеко – из одной комнаты, заваленной образцами минералов и завешанной картами (тут же и дээспэшная, под орех, румынская кровать на двоих), – в другую, как бы гостиную (потому что там стоит телевизор и постелен азербайджанский ковер, а в остальном – те же минералы и карты).

– Штейн, – сказал Штейн.

– Михаил Семенович, – зашуршал в трубке неживой голос. – Рекомендуем вам немедленно прекратить вашу работу.

– Какого черта?! – возмутился профессор. – Кто говорит?

– Говорят из больницы Алексеева, – прошелестел угрожающе собеседник. – У нас тут проходит реабилитацию один из ваших коллег...

– Вам меня не запугать! – заорал Штейн. – Слышите?! Вам меня не запугать!

В трубке тихо засмеялись.

Алиса, которая под аккомпанемент телевизора строила из томов Большой Советской Энциклопедии тридцать пятого года выпуска домик для своих кукол, перепуганно уставилась на деда огромными синими глазами.

– «Москва выступает категорически против введения санкций в отношении КНДР, – заполнил тишину телевизор. – Народ Северной Кореи имеет полное право развивать мирную атомную энергетику. Пхеньян неоднократно доказывал свою приверженность мирному процессу и является надежным и предсказуемым партнером, – говорится в заявлении российского МИД».

«Да что же это такое-то? – досадливо подумал Штейн. – И эти тут еще продолжают... А наши-то, главное! Наши-то куда лезут... Нашим-то это зачем?»

– Михаил Семенович, – позвал его голос. – Если вы вздумаете куда-нибудь с вашими бумагами идти, мы за вами сразу «неотложку» отправим.

– Не запугаете! – сказал Штейн.

– Запугаем, – заверил голос.

И гудки.

– Дедушка, – Алиса притронулась к его колену, – у тебя все хорошо?

– Не знаю... Не очень.

Штейну не хватало сил даже подняться с кресла у телевизора.

– «У пенсионерки Нины Николаевны, – камера поехала по просторной трехкомнатной квартире, – жизнь налажена. Но в этом месяце ее пенсия будет повышена на семь целых и

три десятых процента, и все станет еще лучше», – перед объективом предстала румяная и подтянутая старушка, гоняющая чай на милой и уютной кухне.

– Дедушка, – серьезно произнесла Алиса, – у меня к тебе вопрос. А почему в телевизоре все такое яркое? И почему всегда у всех все хорошо? Так разве бывает?

– «В этом году ассигнования на науку увеличатся на семнадцать процентов, – тут же пообещал ящик. – Наш корреспондент Иван Петров заглянул в научный центр в Королеве и ознакомился с новейшими технологиями! Тут гагаринскую центрифугу используют для лечения болезней позвоночника...»

– А это, Алисочка, потому, – рассеянно ответил Штейн, – что телевизор – это окно в другой мир. В волшебную страну Зазеркалье. Там все очень-очень похоже на то, как у нас, но все по-другому. Там люди все счастливые, и у всех все получается. И денег всем хватает.

– Антинаучно, – поморщила носик Алиса.

– Других объяснений нет, – вздохнул профессор.

– Дедушка, – поразмыслив, сказала девочка, – а в это твое Зазеркалье можно как-нибудь попасть? Хоть на минуточку?

– Надо очень хорошо учиться, – соврал Штейн. – Ладно, зайка, я пойду поработаю еще...

– «Тем временем в России открыто крупнейшее в мире газовое месторождение, – сказал диктор. – Запасы природного газа месторождения Сахалин-4, по предварительным оценкам, составляют более полутора триллионов кубометров. Компания „Газпром“ заявила, что...»

«Вот, – мрачно подумал Штейн. – Нечего было заниматься тектоникой. А надо было из геологоразведки туда идти, к газовикам. И не куковал бы сейчас в поганой двушке в Чертанове, а проживал в барском особняке на Рублевке, и звонили бы не из Кашенки, а из Администрации Президента – орденами награждать, за заслуги перед Родиной».

Есть ведь и среди геологов счастливые люди.

Только Михаилу Семеновичу в те двери стучаться уже поздно. Жизнь прошла, все выборы сделаны десятилетия назад. Остается бороться, отстаивать свое. Доказывать. Пусть и нет доказательств.

А Алиса посидела-посидела со своими куклами и полезла к телевизору – смотреть, что там у аппарата с другой стороны.

Вдруг – дверка?

* * *

«В результате уникального и беспрецедентного эксперимента по глубинному бурению, проведенному нашей научной группой, было установлено, что при проникновении в земную кору на глубину более чем три тысячи метров, вопреки всем существующим прогнозам и общепринятому мнению, не было обнаружено ни верхней, ни средней, ни нижней коры, сложенной метаморфическими и магматическими породами. На указанной глубине вскрываются огромные полости, населенные весьма своеобразной фауной. Имеем все основания полагать, что нашей группе удалось обнаружить место, известное в мифологии различных народов как Ад».

Ничего себе затравочка, а?

И дальше – сто тридцать страниц отчета о ходе экспедиции, несколько фотографий скверного качества, акустические записи и образцы минералов.

Штейн еще раз оглядел свой труд, аккуратно сложил все в вытертый портфель и выглянул в окошко. Прямо у подъезда стоял современный реанимобиль – импортный, чистенький, выкрашенный в бежевый цвет с оранжевыми полосами на боках. Такие не присылают за простыми смертными. На таких, должно быть, праведников в Рай доставляют...

Или наоборот.

За ним?!

Профессор принялся лихорадочно соображать. Растормошил сонную Алису – благо жена вышла за хлебом, помешать не сможет, – одел внучку, на спину ей – школьный ранец (скоро в нулевой класс), в ранец – свой доклад и фотографии. Минералы рассовал по карманам пальто, замотал лицо шарфом и заковылял вместе с сонной девочкой вниз по лестнице. Может быть, решат, что ведет девочку в садик? Прости, Алисочка.

Вылез на свет божий и сразу – к остановке.

Реанимобиль завелся, моргнул фарами и тихо покатил вслед.

Они вскочили в отходящую маршрутку в самый последний момент. «Неотложка» поползла за ними по пробкам. Лобовое стекло у нее было темное, светонепроницаемое.

Добрались до метро, нырнули в толпу, смешались с человеческим фаршем в мясорубке у эскалатора, протолкнулись кое-как на станцию и сели в первый же поезд. Штейн затравленно осмотрелся по сторонам. Лица у пассажиров были обычными, будто на молнию застегнутыми: каждый в себе.

Так, все пока в норме. Кажется, сбежали. Теперь бы только до Академии доехать, выступить в заявленное время, отбрехаться от оппонентов, а там – гори все синим пламенем. Лишь бы выступить дали... А потом – забирайте хоть к черту на кулички. Хотите – в Кашенко, хотите – в Сербского.

В кармане вдруг запиликал сотовый. Жена!

Вернулась из магазина, дома никого нет, записки он не оставил... Хорошо бы все-таки именно в Сербского: там-то жена до него не доберется. Потому что за Алису она у него всю кровь выпьет. И будет, кстати, права.

Как только телефон в поезде метро принимает, да еще и на их богом забытой линии? Видимо, жене очень надо прозвониться.

Жена, потому что больше этого номера ни у кого нет.

Штейн вытянул сотовый из внутреннего кармана пальто.

Номер не определен.

– Наташа?! – отгородившись горстью от стука колес, прокричал в телефон профессор.

– Михаил Семенович, – ответил незнакомый человек сочным баритоном, перекрывающим вагонную какофонию. – Вас беспокоят из компании «Газпром».

– Что? – У профессора глаза на лоб полезли.

– Из «Газпрома», – подтвердил незнакомец. – Мы хотели бы предложить вам работу.

– Мне?! Почему мне?

– Мы наслышаны о вашем уникальном опыте глубинного бурения и считаем, что вы могли бы стать незаменимым консультантом, – охотно объяснил звонящий. – Вам интересно наше предложение?

– Я... – Штейн переложил сотовый от одного уха, обожженного дыханием из трубки, к другому. – Мне интересно, да. Конечно, мне интересно!

– Михаил Семенович, – вкрадчиво попросил голос, – а вы не могли бы сейчас подъехать в наш офис? У нас сейчас проходит совещание, и мы как раз обсуждаем вашу кандидатуру. Наравне с прочими. Но если бы вам удалось быть здесь, скажем, через полчаса-час, мы бы даже не стали рассматривать других претендентов на должность...

– Я, простите, сейчас никак не могу! – закричал Штейн. – У меня сейчас очень важное выступление.

– Михаил Семенович, – голос стал строже. – Нам очень хотелось бы переговорить с вами до вашего выступления. Не помню, сказал ли я уже о зарплате консультанта? Она составляет около пятнадцати тысяч условных единиц в месяц, но для специалиста вашего уровня...

– Я не смогу! – твердо сказал Штейн. – Сначала на выступление, потом – к вам! Никак иначе.

– Это *вы* так думаете, – отозвался незнакомец.

– А откуда у вас вообще этот номер? – вдруг очнулся от морока профессор.

– От вашей супруги, Михаил Семенович, – усмехнулся человек. – Она, кстати, передает вам привет.

Штейн чувствовал, как его внутренности сковывает мороз.

– Почему же, черт его дерит, под землей так хорошо сотовый принимает? – вдруг совсем не о том спросил себя он.

– Это ведь наша исконная сфера интересов и влияния, – словно отвечая на незаданный вопрос, как бы невпопад продолжил голос. – Так что вы не удивляйтесь ничему, Михаил Семенович. До встречи.

Это разве давление? Вот в советские времена давили – так давили!

«Нет, – твердо решил Штейн. – Сначала – запланированный доклад, потом – все остальное. Спасение жены, сопротивление соблазнам, битва с психиатрами – все потом. Служенье муз не терпит суеты».

* * *

Он умылся холодной водицей в прокуренном академиком нужнике, взял внуку за руку и двинулся в бой.

Зал оказался наполовину пуст.

– Там снизу, в вестибюле, объявление повесили, что все отменяется! – развел руками профессор Синицын, один из немногих штейновских союзников в этом змеином логове.

– Не дождутся, – нахмурился Штейн. – Посмотри за девочкой, Петр Иванович.

Михаил Семенович взошел на кафедру, bravо оглядел многоголовую академическую гидру, упрямо вскинул подбородок и начал:

– Дорогие коллеги! Тема доклада, которую я заявил на сегодня, претерпела определенные изменения. Сегодняшнее мое выступление окажется немного более революционным, чем планировалось. Как некоторые из вас, возможно, знают, недавно мною была предпринята экспедиция в Иркутскую область, в место предположенного мною разлома, который может оказаться линией будущего раздела тектонических плит.

В аудитории зашептались.

– Однако моими сотрудниками, из которых многие поплатились рассудком, а кое-кто – и жизнью, было сделано удивительное открытие. В результате уникального и беспрецедентного эксперимента по глубинному бурению, проведенному нашей научной группой, было установлено, что при проникновении в вещество земной коры на глубину более чем в три тысячи метров...

В горле пересохло. Зал, замороженный, молчал.

– Уважаемые коллеги... Товарищи... Мы нашли Преисподнюю!

Спрятавшись за толстыми стеклами киссинджеровских очков, Штейн зажмурился. Раз, два, три...

– Позор! – заорал кто-то громогласно.

Кажется, Акопян.

– Мы отказываемся участвовать в этом!

Так, это Шмешкевич.

– Провокация!

Лазуткин.

– Прошу вас дослушать доклад до конца! – набрал воздуху Штейн.

– Лишить его ученого звания!

– Лженаука!

– Исключить!

– Мракобесие!

Выкрики академиков были будто комья грязи, летящие в ветровое стекло экспедиционного «козла» из-под колес впереди идущего грузовика. Штейн снял очки (стало хуже видно, словно ему и вправду их захаркали), протер носовым платком, водрузил на место и уткнулся в свой доклад.

– Какие у вас доказательства? – подмахнул из первого ряда Синицын.

Спасибо, старик.

– Группой была собрана обширная доказательная база, однако во время спешной эвакуации с места работ почти вся она была потеряна.

– А что же ваша шахта в Ад? – поддели с галерки.

– К несчастью, шахта была подорвана и почти полностью обрушилась... Но я готов указать на место, где мы проводили бурение, и при необходимости возглавить новую экспедицию, экспедицию от Академии наук...

– Клоун!

Это точно Томашевский.

Штейн смолк и поднял глаза. В аудитории оставались три человека.

– Слышали, Уго Чавес собирается Колумбии войну объявлять, – шушукал друг его Синицын коматозному академику Сидорову, которого вместе с каталкой в спешке забыли эвакуировать из зала. – А потом, дескать, всей Латинской Америке. Будет боливарианский порядок. А мы ему продаем десять сухогрузов автоматов, вертолеты и чуть не подлодки. Ума не приложу, нашим-то это зачем? Неужели ради денег?

Несчастный Сидоров только закатывал глаза. Ничем другим он двигать не мог.

Фиаско...

Стоп. А где Алиса?

Бросив свой портфель на кафедре, Штейн спустился вниз и жестоко затряс Синицына.

– Где внучка моя? Где моя Алиса?!

– Так за ней папа пришел, – улыбаясь блаженной улыбкой прошедшего через лоботомию, сказал Синицын. – Сказал, что пойдет купит ей мороженое, пока дед распинается.

– Папа у нее в Австралии! Маразматик ты старый!

Задышавшись, он выбежал в коридор. Два силуэта – легкий, крошечный – Алисин – и другой – мрачный, массивный, будто из базальта вырубленный, удалялись от него по коридору.

Нагнал он их только на улице.

Девочку сажали в черный лимузин, длинный и строгий, как жизнь партийного функционера.

– Стойте! Подождите! – закричал Штейн.

Базальтовая фигура послушно замерла, позволив профессору сократить дистанцию.

– Да мы без вас никуда и не собирались, Михаил Семенович, – сказал незнакомый человек знакомым голосом. – Поедемте?

Он был весь какой-то европейский: костюм с иголочки, очень правильный галстук, беззлое лицо. Нет, скорее – лицо вообще без каких-либо эмоций. И гладкое, без морщин.

– Я никуда... – начал было Штейн.

– Не поверили вам коллеги? – сочувственно спросил человек. – Засмеяли?

– Мне все равно, поверят мне или нет! – солгал профессор. – Мне важна истина, а не признание!

– А я вот вам верю, – спокойно сказал человек. – Потому что знаю: вы правы. Преисподняя существует, и я готов вам кое-что об этом рассказать.

– Но вы ведь не... – Штейн сжал в кармане образок.

– Нет, конечно, – улыбнулся человек. – Я в «Газпроме» работаю. Это я вам сегодня звонил.

Из недр машины послышался веселый – и совершенно неуместный – собачий лай. С пассажирского сиденья выглянул чрезвычайно симпатичный черный пудель и лизнул Алисину руку красным язычком.

– А мы тебе еще такого щеночка подарим, – улыбнулся базальтовый.

– Дедушка! Поедем с ними покатаемся! – взвизгнула от восторга девочка.

Мягко чмокнула трехпудовая дверь, и лимузин плавно снялся с места – будто над землей парил.

– Вы, Михаил Семенович, во всем правы, – говорил человек. – И безусловно, сделали бы вы великое открытие, да есть загвоздка. Открытие это уже сделано давно и не вами.

– О чем вы? – возмутился Штейн. – Это вы какую-то белиберду несете! Ведь тогда обязательно начался бы уже крестовый поход какой-нибудь, Армагеддон с современным вооружением, ядерными зарядами бы их дотла... Вон у нас в стране этот мирный атом не знают куда девать!

– Вы, Михаил Семенович, право, какой-то экстремист, – укорил профессора человек. – Мы же в двадцать первом веке живем. В веке глобализации, свободной торговли! А вы мне про крестовые походы. Варварство какое...

– Что?!

– А как же. В новостях ничего про Сахалин-4 не слышали? Полтора триллиона кубометров новых запасов... Вот, партнеры стараются. Обеспечивают выполнение контракта.

– Какого контракта?.. – Штейн снял очки.

– Контракта на прямую поставку природного газа ООО «Газпром» из Преисподней. Ну, по бумагам там, конечно, их юрлицо по-другому называется, но партнер, – базальтовый человек погладил пуделя, – партнер именно тот.

– Почему газа? Я думал, люди гибнут за металл, – попытался шутить профессор.

– Ну, они там тоже идут в ногу со временем. Нужно было золото – поставляли золото. Нужна нефть – могут нефть. Сейчас вот мода на экологически чистое топливо – газу дадут. Недра... Ведь если поглубже копнуть – они же безграничны. Главное – договориться.

Серой в машине не пахло. Пахло дорогим французским парфюмом и – чуть-чуть – гаванской сигарой. Но это, наверное, водитель баловался.

– И как же вы договорились? Душу продали? – после долгой паузы отважился Штейн.

– Михаил Семенович! – покачал головой человек. – Ну какую душу? «Газпром» ведь компания государственная. Правительство просто взяло на себя определенные обязательства. В основном международного характера. Ну и некоторые – внутривнутриполитические.

– Господи, да как я сам-то не сообразил... Ведь если подумать, других объяснений нашей истории и не найдешь... А какие именно обязательства? – любопытствовал Штейн. – Ничего, что я сказал «Господи»?

– Что вы. У нас же многоконфессиональная страна, – успокоил его человек. – А по вашему вопросу... Есть некоторое число международных проектов, которые мы осуществляем, так сказать, от лица наших партнеров. – Он снова погладил пуделя. – Сотрудничество с Ираном, с Северной Кореей, с некоторыми арабскими государствами... Энергетическая сфера, иногда – вопросы безопасности...

– Но ведь это... Они же... – вякнул Штейн. – Они же готовят...

– Думайте о хорошем, – улыбнулся человек.

* * *

Машина остановилась перед красивым загородным домом, утопающем во фруктовых деревьях. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, толпились телеоператоры с камерами наизготовку. Тут же томила и напояженная стилистами профессорская жена.

– Где мы? Кто эти люди? – тревожно привстал профессор.

– Деревня Барвиха. Это – ваш будущий дом. А репортеры ждут вас, потому что вам только что присуждена Государственная премия.

– За какие такие заслуги? – удивился Штейн. – Ведь, если я верно все понимаю, о моем открытии мне говорить теперь нельзя?

– Нельзя. У нас в стране каждый день делаются открытия, о которых нельзя говорить, так что ничего страшного. А вот вам на выбор, – он раскрыл папку, – три научных прорыва, которые только что рассекречены. Выбирайте, становитесь автором. Вчера, кстати, в новостях видели про гагаринскую центрифугу? Только-только гриф секретности сняли – и пожалуйста! А завтра и вас по телевизору покажут.

– Ура! – обрадовалась Алиса. – Мы попадем в Зазеркалье!

– Ну и на финансирование ваших новых геологических исследований, разумеется, Газпром выделит грант. – Человек взялся за ручку дверцы.

Журналисты метнулись к машине, как таежные комары к вышедшему опростаться геологу.

– Скажите, – промолвил Штейн, – а Газпром не финансирует исследований в области астрономии?

– Нет, этим мы не занимаемся, – вежливо засмеялся человек. – В небе ловить нечего.

– Очень хорошо, – удовлетворенно кивнул Михаил Семенович и открыл дверь.

Схватив внучку, он решительно потащил ее за собой сквозь кольцо репортеров – прочь от особняка, а по дороге сгреб и жену.

– А Зазеркалье? – всхлипнула Алиса. – А щеночек?

– Кошку купим, – буркнул профессор.

– Профессор Штейн! – пробился к нему корреспондент Главного канала. – Расскажите о ваших планах на будущее! Мы, конечно, понимаем, что вам уже семьдесят шестой, но вдруг?

– Ухожу из геологии. Планирую заняться астрономией, – сообщил Штейн. – Мне кажется, в небесах еще тоже предстоят открытия. Не подскажете, где тут ближайшее метро?

Че почем

Плов получился жидковатым, но за три месяца Абдурахим к такому успел привыкнуть. Расскажи он кому в родном Понгозе, что плов можно готовить из небритых куриных ляжек, жира в которых было не больше, чем в расчерченном на квадраты Абдурахимовом животе, его бы точно засмеяли.

Нет, настоящий плов должен быть густым и слипшимся от желтого бараньего жира, и есть его положено, конечно, не ломкими пластмассовыми вилками, а пальцами, уминая рис и отправляя себе в рот комки размером с детский кулак.

Но откуда ему было взять хорошего барашка в слякотной задымленной Москве? Для Абдурахима столица России оказалась совсем небольшой: с квадратный километр, и то вряд ли. Нет, за трехметровым бетонным забором Москва продолжалась, продолжалась сколько хватало глаз, но туда Абдурахиму и его соплеменникам путь был заказан.

Пробраться через КПП в ближайший табачный киоск еще можно. На далекой солнечной родине он по недоразумению и молодости сживал, так что опыт общения с вертухаями у него остался: ты мне, я тебе.

Но за забором маленький Таджикистан заканчивался, и скупого Абдурахимова языка не хватало, чтобы отбрехаться от свирепых, вечно голодных милиционеров, барражирующих вокругстроек века в поисках легкой добычи.

Пытался как-то сварщик Фарух из третьей бригады пронести через КПП кусок баранины, но охрана отобрала, и влетело всей бригаде за нее покрепче, чем за перехваченный неделей раньше гашиш. Правил тут было много, и не обо всех строителям рассказывали.

Но ничего, курица так курица. Обедать часто приходилось и вялой лапшой из стаканчиков, и ускользающими сосисками, так что Абдурахим не капризничал. Плов варили не просто так: всю бригаду переводили на новый объект.

Возведенная в самом центре комплекса «Москва-Сити» башня «Памир», высокая, как сама гора, подпирала обваливающееся и прохудившееся московское небо. Ее верхние этажи почти никогда не были видны, облака плотно обкладывали бесконечное здание не выше его середины. Несмотря на родное имя, скучающий по дому Абдурахим о новом месте работы думал с опаской.

«На небеса – самый короткий путь», – мрачно шутили рабочие. Шептались, что на «Памире», окруженном предгорьем трехэтажных теплушек, несчастные случаи происходили чуть ли не каждый день. Подтверждений не было: отработавших на «Памире» строителей отправляли обратно в Среднюю Азию для соблюдения условностей визового режима, а оттуда везли уже на другие объекты. Правило странное, но были и постраннее, зато платили на «Памире» вдвое больше обычного.

Куриный плов, вроде бы и легкий, в кишках у Абдурахима вел себя тревожно, никак не хотел успокоиться. Сны ему в ту ночь виделись нехорошие: будто он надеялся добраться до самого верха башни «Памир» и все карабкался по лестнице, но конца ей не было видно. А потом кто-то сказал ему, что затея его пустая, потому что башня эта живая и все время растет...

* * *

Секретарь резво бежал вокруг машины, взялся за ручку и потянул тяжелую, словно у банковского хранилища, дверь на себя. Кротов, прикорнувший на расползшемся диване двухцветного «Майбаха», глянул на него мутно, зевнул и потянулся. Чертова обложка Vogue так ухайдокала его прошлой ночью, что он уже готов был пересмотреть свое пренебрежительное

отношение к моделям. Девочка старалась, ей явно кто-то нашептал про его повышение в списке Forbes.

Завтра на стройку делового центра должны были заехать кураторы и инспекция, и чтобы рутинное распитие шотландских резервов не превратилось в неприятный разговор об изменении расценок на благожелательность властей, Кротов должен был навести на территории маршфет. Заодно и кинуть взгляд на новую технику.

Прорабы и начальники объектов, шлейфом тянувшиеся за ядром секьюрити, в центре которого шагал мрачный Кротов, на подступах к «Памиру» рассеялись. Хозяин всегда уделял центральному небоскребу особое внимание, и режим там был тоже особый. Стройплощадка в стройплощадке, «Памир» управлялся собственным начальством, и попасть за забор за забором могли лишь избранные.

В кармане Кротова запиликал забрызганный сапфирами мобильный с особой кнопкой. В стандартных телефонах одним ее нажатием можно было соединиться с консьержем, который мог ответить на любые вопросы обладателя телефона в любой точке мира. Однако Кротову волшебную кнопку перенастроили на номер его начальника службы безопасности, который все эти вопросы мог еще и решить в течение получаса.

– А что, рейсовыми нельзя? Топливный кризис? На черта мы тогда долю покупали? – бурчал в трубку Кротов, остановившись у рядов хромированных агрегатов с многосложным немецким словом на консервативном лого. – Ладно, хрен с вами, отправьте джетом. А еще лучше – подождите пару деньков, пусть наберется на чартер, на Ил-76 какой-нибудь, а то велика честь мой Бомбардир гонять... Ничего, подождут, никуда не денутся. Пусть у индусов порченный товар берут по дешевке, без сертификатов, с камнями!

– Это оно, Аркадий Петрович, – одними губами сообщил секретарь, деликатно указывая на парк хромированных аппаратов.

– Не стухнет же, в самом деле! – рыкнул в телефон Кротов, в нетерпении отвечивая безгласной машине звонкую оплеуху. – Все, решили. Со Штатами завтра разберемся. Давай, у меня вторая линия. Да, привет. Что, всю сеть купили? Ляле на юбилей? Ребрендинг? Была у меня идея... Давай назовем «Биоорганика»... Или просто «Органика», точно. Ну, пусть теперь вегетарианская будет, это модно, от мяса уже всех тошнит. Все, пока, у меня вторая линия. Да! Господи, да перекупи его с потрохами, прости за каламбур. Сколько там этот профессор получает, со всеми взятками и подарками? Дай ему двадцатку в месяц, он тебе и студентов своих приведет... Окупится, конечно, за неделю. Извини, у меня вторая линия...

* * *

Предчувствия Абдурахима не обманули.

В первый же день их бригаду развели по разным этажам, и, бродя по своему, шестьдесят второму, он поражался тому, что холеная, сверкающая башня внутри оказалась диковатой, полузаброшенной. Отделочные работы тут вроде как начинались, но внезапно были прерваны, и уже довольно давно. Кое-где голый бетон стен начал обрастать гипсокартоном и даже розетками, в других местах с этими признаками жизни спорили расписанные от пола до потолка титанические партии в крестики-нолики и навязчивый запах прелой мочи.

Остальные рабочие на этаже казались необщительными и чужаковатыми, и Абдурахим решил, что посылки из Чуйской долины доходят-таки до здешних адресатов. Весь день работы не было, и заскукавший Абдурахим, просидевший пять часов на корточках перед панорамическим окном с видом почти на всю Москву разом, добровольно отправился сдаваться бригадир. Тот вяло и даже с некоторой жалостью поинтересовался у Абдурахима, что же ему не сидится, прикурнул одну от другой и продолжил ковыряться в сканворде.

Но не успел Абдурахим снова устроиться напротив Москвы в самой удобной из доступных человеку поз, как у бригадира щемящими душу ферганскими распевами заголосил сотовый. Рассредоточившиеся вокруг своего начальника бездельники насторожились, как собаки, которым пообещали прогулку, да и сам бригадир напряжился, внимая отрывистому лаю из исцарапанного аппарата.

Через минуту Абдурахим наконец получил боевое задание: приступить к шпатлевке щелей между небрежно собранными гипсокартонными ширмами и потолочными плитами. Еще через две минуты – после того, как он взобрался по шатающейся стремянке, отчего-то утопленной в мотках электропроводов, к незаделанным щелям и умиротворению, сильнейший разряд электрического тока, пройдя от левой ступни Абдурахима к его правой ступне, оборвал его строительную карьеру.

* * *

На ухоженной гостевой парковке замерла, медленно выпуская сквозь жабры жар и топорща акулий плавник, хищная «семерка» с угрожающими спецслужбистскими номерами. Рядом степенно расположились два купеческих «пятисотых» с залихватски нахлобученными мигалками и триграмматонами «А... МР». Водители молча курили, закинув головы и пытаясь узреть пик «Памира».

Сверху вниз с семьдесят восьмого этажа на них глядел холеный пожилой мужчина в невообразимо дорогом темно-синем костюме, нежнейшей рубашке с собственными инициалами и запонками из золота 750-й пробы и аллой эмали с достоверным изображением генеральских звезд.

– Вот руководство обеспокоено участвовавшими несчастными случаями на вверенной вам территории, – смакуя «Глен Гарيوخ» пятьдесят восьмого года, задумчиво обронил он.

– Редкие осечки, – развел руками Кротов.

– По обычному тарифу, – пожал плечами человек с генеральскими запонками. – Каждая несостоявшаяся публикация в прессе о смерти на ваших объектах – сто девяносто тысяч, каждая состоявшаяся – плюс три процента к ежемесячным выплатам. Мы тоже несем имиджевые риски.

– Я вот чего не пойму, – присоединился к разговору пухлый розовощекий очкарик, придушенный английским галстуком. – При таких-то бюджетах что же используете киргизов на стройке? Я, ей-богу, побоюсь жить и работать в самом высоком в Евразии здании, если его собирали люди, всю жизнь прожившие в юрте... Неужели вы не можете позволить себе добросовестных немецких рабочих?

– Можем, отчего не можем... Думали уже. Да они столько пива жрут, печень ни к черту, – пространно объяснил Кротов. – И работают у нас, кстати, не киргизы, а таджики. Они непьющие.

– Техника безопасности? – понимающе кивнул очкастый. – Ну с немцами вы меня удивили, конечно. А таджики у вас тут ухоженные, не то что в этой псевдосталинке на Тверской...

– Обижаете, – ухмыльнулся Кротов. – У нас тут трехмесячный курс реабилитации. Чуть ли не чистка организма получается. Они все такими живчиками становятся, подтянутыми – одно загляденье.

– Приятно иметь дело с таким современным, рачительным хозяином, – широко улыбнулся третий из гостей, высокий и худой мужчина с узким черепом и скверно замаскированной плешью.

– Ну, знаете... Они ведь точно такие же люди, как мы, – развел руками Кротов и зачем-то добавил: – по счастью...

* * *

Слава Аллаху! Голова раскалывалась, рот, нос и глотку переполнял омерзительный горько-кислый смрад, но он был жив. Сбрав все силы, Абдурахим приподнял с подушки голову и осмотрелся. Он лежал на каталке, совершенно нагой и прикрытый лишь сиротливой простынкой в застиранных кровавых разводах. В нескольких шагах от него находился большой операционный стол, над которым сгорбились трое облаченных в зеленые хирургические костюмы. Что же случилось? Абдурахим помнил шпатель, стремянку, провода... Чуть не убило током, но его спасли! Воистину, русская медицина способна на чудеса. Случись такое даже в самом Душанбе, уже до захода солнца Абдурахима закопали бы, чтобы не кормить мух.

Он хотел было сказать докторам спасибо, но голос еще не вернулся к нему. Это Аллах его уберег: приглядевшись к тому, что происходило на операционном столе, Абдурахим похолодел.

Трудно дыша в пластиковый намордник, от которого к прозрачным электрическим мехам уходил гофрированный шланг, на столе лежал его знакомый плиточник, Фахраддин. Похоже было, бедняге крепко досталось: возившиеся с ним врачи были основательно перемазаны кровью. Абдурахим закрыл глаза и попросил Бога, чтобы тот помог Фахраддину выбраться из этой передраги целым. Что же могло с ним приключиться? Неужели сорвался с высоты?

– Пече! – произнес незнакомое слово один из врачей, и сразу вслед за этим что-то тяжело хлопнуло.

Абдурахим наострил уши. Иностранец?

– Переворачиваем!

Нет, вроде говорят по-русски. Просто надо было старательнее учить язык, чтобы все-все понимать, а не только про строительство.

– Почки! – лязгнул хирург, и Абдурахим приоткрыл один глаз.

Уж это слово он знал хорошо: таджикские почки – лакомая цель для милиции и скинхедов, одни норовят угодить в них резиновой дубинкой, другие – засадить заточку...

Помощник достал из-под стола пластмассовый ящик с ручкой, вроде переносного холодильника, и главный доктор что-то туда осторожно положил.

– Переворачиваем!

Теперь Абдурахим глядел в оба глаза, чувствуя, как холодеет и намокает спина и все громче колотится сердце. Завизжала пила, смачно хрустнули кости, разошлась в стороны грудина. Хирург устало утер лоб рукавом.

– Сердце!

Ритмично попискивавший датчик завыл тонко и монотонно. Доктор опустил подергивающийся клубень в услужливо подставленный контейнер.

– Остальное так себе, – флегматично произнес он. – Это в рефрижератор, давайте следующего.

* * *

– А туалет, я извиняюсь, где? – Плешивый поднялся из кожаного кресла. – Пойдем, Славик, пройдемся? – обратился он к очкастому.

Кротов проводил удаляющуюся парочку настороженным взглядом.

– Ну что же, Аркадий Петрович, – оторвался наконец от окна генерал. – Теперь давайте уже серьезно с вами поговорим. У вас замечательный бизнес. Но вы же не думали, что он может пройти мимо внутренних органов, хе-хе?

– Что вы...

– Замечательный, рентабельный, мудрый бизнес. Мне тут подготовили справку... – Он опустил руку в нагрудный карман и извлек оттуда блокнот. – Население Таджикистана на сегодняшний день составляет семь миллионов двести одиннадцать тысяч человек. Данные на июль, и сейчас их развелось еще больше, потому что рождаемость в стране высокая, три целых и четыре сотых ребенка на пару – ваш бизнес требует именно такой точности, да? Рождаемость, храни господь Таджикистан, превышает смертность почти в четыре раза. Каждый год население страны прирастает на два процента. Газ когда-нибудь кончится, нефть иссякнет, но таджики будут вечно. Так сказать, единственный природный ресурс, запасы которого только увеличиваются. И тут – так кстати – вы со своим блестящим ноу-хау.

– Я...

– Аркадий Петрович, – ласково погрозил пальцем вспотевшему Кротову генерал. – Не отпирайтесь. Мы многое слышали о том, что человеческая жизнь бесценна. Это не так: всему есть цена. Но какая удачная мысль монетизировать этот виртуальный капитал! Мне тут подготовили справку, – он перелистнул пару страниц в своем блокноте, – по развитым странам, Японии и США. Почки – в среднем сто тысяч за одну штуку, две одинаковые почему-то дороже, сразу двести пятьдесят тысяч долларов. Печень – от ста пятидесяти до трехсот тысяч. Сердце – цены доходят до трехсот пятидесяти тысяч долларов. Ну и селезенка, конечно, и прочая требуха. Умножаем – получаем. Шестьсот тысяч долларов за комплект, плюс-минус, если все доставить быстро и в сохранности. Минус три месяца по семьсот долларов зарплаты этому комплекту, минус взятки иммиграционной службе, минус доставка органов пациентам, это, надо понимать, самое дорогое, но оптом – скидка. И так по двадцать человек в день. Красиво! Изящно, Аркадий Петрович. Да кому после этого нужен строительный бизнес?

Кротов перекрестился и шагнул к открытому окну.

* * *

Абдурахим нагишом мчался по коридору так быстро, как никогда в своей жизни не бегал. Летел мимо рядов деловито жужжащих хромированных агрегатов, в которых словно в ваннах отмокали тела почти всех его товарищей по бригаде... Несся мимо бесконечных рядов холодильных камер, на дверцах которых, будто на дверях кабинетов, висели таблички с чьими-то именами. Перепрыгивал через каталки, расталкивал опешивших от такой прыти охранников...

Впереди маячило пятно света – выход на балкон. Если повезет, там окажется пожарная лестница. И тогда уже никто его не остановит, никто! В лицо ему дохнуло необычайно свежим для этого чахоточного города воздухом... Он стоял на одном из самых верхних этажей «Памира», рыхлые облака пластались в нескольких десятках метров внизу, а здесь было солнечно, как в родной Ферганской долине, и небеса действительно казались совсем близкими.

Пожарной лестницы здесь нигде не было. Просто обзорный балкон, может быть, курилка. А выход в коридор уже перекрыли охранники, за спинами которых маячили люди в зеленых одеждах.

Абдурахим с обезьяньей ловкостью вскарабкался на высокое ограждение и застыл, представляя, как сейчас нырнет в облака.

* * *

– Ну-ну, не надо глупостей. – Генерал примирительно поднял ладонь. – У нас же не звери работают, в конце концов.

Кротов, успевший уже перекинуть одну ногу за окно, выжидающе замер.

– Пятьдесят процентов от оборота и добровольные пожертвования материала, – генерал подмигнул, – в фонд ветеранов групп особого назначения. Там это добро всегда пригодится.

– Пятьдесят? – недоверчиво переспросил Кротов.

– По-божески, а? Президент запретил кошмарить бизнес, не слышали? Живи и дай жить другим, вот наше кредо.

– Я не...

– Поверьте, от сотрудничества с нами вы только выиграете. Вот, например, вы куда сейчас деваете отходы? Ну, все то, что остается после изъятия органов?

– Мы...

– Это риторический вопрос, не волнуйтесь. Мне подготовили справку. Скупили сеть киосков шаурмы и утилизируете. Аркадий Петрович! Ведь это до первой серьезной проверки. А вот мы давно и успешно работаем с Микояном. И их, уж поверьте, никто никогда не проверяет.

Кротов, механически кивая и вытирая ладони о штанины, вернулся к своему столу. Из туалета возвращались заметно оживившиеся чиновники, перешучиваясь и пихая друг друга в бок кулаками.

– Удивительные у вас сортиры, – оценил очкастый. – Вот эта вот сенсорная панель и самонаводящееся биде! Вы опережаете свое время, чесслово, Аркадий Петрович!

– Слушайте, Аркадий Петрович! А не хотите к нам, в Партию, а? Нам ведь тоже нужна свежая кровь! – подмигнул плешивый.

Кротов устало и понимающе кивнул, приготовился было поблагодарить за приглашение, но тут...

...За окном мелькнуло что-то большое и черное, резанул слух и тут же стих короткий вопль. Аркадий Петрович вздрогнул и присел, чиновники переглянулись. Генерал достал карандашик и сделал пометку в своем блокнотике.

– Это по обычному тарифу, – заверил он Кротова. – Да расслабьтесь вы, расслабьтесь. Всё, хэппи-энд!

Протез

– Я прекрасно понимаю, что «силикон» на русский язык переводится как «кремний». За примерами далеко ходить не надо, возьмем прямо из отрасли: знаменитая Силиконовая долина на самом деле называется Кремниевой долиной. Что логично: именно из кремния делают микросхемы, на которых зиждется весь американский хай-тек, от CISCO до Microsoft. И все же я настаиваю: в русском уже есть устоявшийся термин, пусть и заимствованный. Он привычен конечному потребителю. Он вызывает у него доверие и игривые мысли. Он прочно ассоциируется с гламуром, с достатком и с *dolce vita* в ее ярчайших проявлениях. Для многих это слово означает пропуск в лучшую жизнь. Оно воплощает перфекционизм, бесконечное стремление к улучшению себя, причем самым радикальным, смелым, хирургическим путем. All in all, уважаемые коллеги, используя этот термин для позиционирования нашего нового продукта на российском рынке, мы должны придерживаться той терминологии, которая здесь уже прижилась. Было бы непозволительной расточительностью отказываться от всего пласта позитивных образов, наработанных индустрией за последние двадцать лет. Dixi.

Гольдовский выдернул свою флэшку из ноутбука, завершая анимированную презентацию. Карикатурные человечки, чешущие голову над табличкой с надписью «СИЛИКОН!», ушли в небытие, а на экране высочило сообщение об ошибке. Гольдовский окинул собравшихся цепким взглядом, вычисляя скептиков. Над разработкой рекламной стратегии его команда работала уже неделю, и ему страшно не хотелось ничего менять.

Гениальная идея пришла ему позапрошлой ночью, когда он отчаянно искал изящный эвфемизм для слова «протез». Насадка? Вставка? Имплант! Остальное родилось само, он еле успел направить хлынувший поток слоганов в компьютер. Спать не пришлось вообще, но увесистая подшивка с детально прописанной концепцией была готова к сроку.

Делегация заказчиков сидела с отсутствующим видом, механически перелистывая разложенные на столе папки. Гольдовский прекрасно знал, что, назначая презентацию на понедельник, он удваивает свои шансы подавить любое сопротивление в зародыше. Судя по мятым и опухшим лицам, у большинства сидевших *с той стороны* стола были трудные выходные. Многим из них сейчас очень пригодилась бы услуга, которую они собирались продавать.

– Мы ведь просили вас избегать именно этого слова, – все же возроптал вражеский директор по маркетингу.

Массивное золотое кольцо на пухлом пальце... Небось, уик-энд провел на даче с женой и детьми, поэтому сейчас мыслит четко, все помнит, но оказался в меньшинстве среди своих же.

Их генеральный, подтянутый и подкопченный в солярии хлыщ в дизайнерских очках без диоптрий, медленно, как барбус в аквариуме с застоявшейся водой, повернулся к нему. «Сейчас вступится – из корпоративной солидарности», – понял Гольдовский. Приободренный рыбьим взглядом руководства, директор по маркетингу продолжил:

– Есть и целый ряд негативных ассоциаций. Прежде всего то, что для многих «силиконовое» означает синтетический заменитель натурального. Эрзац. Подделку. И кроме того, мы вынужденно уходим из области медицины, науки – в область опостылевшего гламура, бессодержательного глянца!

Генеральный, не успев открыть рот, нахмурился, и директор по маркетингу испуганно смолк. Гольдовский, понимая, что оппонент только что забил гол в свои ворота и матч, по сути, уже выигран, все же не смог отказать себе в удовольствии пересмотреть решающий удар в замедленной съемке.

– Да что вы? А не в глянце ли вы и собираетесь рекламировать ваш продукт? Вы вообще не забыли, кто ваша основная аудитория?

* * *

Танюшка так убегалась по Столешникову, что к ланчу еле держалась на ногах. Решила перекусить тут же, в модном баре, расписанном под палехскую шкатулку. Заказала что-то с рукколой, что-то с сельдереем, экзотический фрэш. Вытряхнула из символической сумочки телефон со стразами и обиженно надула в него и без того пухлые губки:

– Кать, ну ты где?

Подружка мучительно парковала свой вагинально-алый «Континентал ДжиТи» на Петровке, значит, Тане нужно было перемотать вперед минимум десять минут. Она достала из черного бумажного пакета с новыми сапогами тяжелый, как шапка Мономаха, модный журнал.

Прилежно изучила первые двадцать страниц, забитые рекламой, старательно запоминая новые названия. Стала читать оглавление, но быстро утомилась. Листнула дальше, скользнула взглядом по явно проплаченной статье о чудесах пластической хирургии и вдруг увлеклась.

Когда наконец подошла Кэт, раскрасневшаяся от исполнения фигур высшего пилотажа и перебранки с парковщиком, Таня даже не обратила на нее внимания. Катя не стала обижаться: ей не терпелось поделиться свежей сплетней:

– Прикинь, чего Олька себе замутила!

Таня вскинула на нее круглые глаза, в которых уже горел огонь желания. Все сделанные ранее операции, все эти незначительные улучшения линии груди, будничные липосакции на бедрах и надувание губ меркли на фоне того, что обещал с ней сделать журнал. Через мгновение ее глаза округлились еще больше: выяснилось, что Олька ее опередила.

– И как, не страшно? Все-таки не просто пластика...

– Доктор ей сказал, ничего особенного. Типа, вшивают маленький имплантик, и все. Заживает через пару недель.

– Ну Олька дает! Только появилось, а она первая в очереди! – восхищенно-презрительно воскликнула Таня.

– Да она, блин, в этой клинике круглосуточно пасется. Одни сиськи себе уже три раза переделывала. Немудрено.

– А теперь уже очередь, наверное, – протянула Таня, глянув на часы.

– Я бы не стала. – Кэт почему-то поправила лиф и уточнила: – Сейчас. Пока еще не испытано как следует... У меня было уже. Зашьют говно какое-нибудь тайваньское, а потом еще сама платить будешь за повторные операции.

– Да нет, сейчас пока материал весь штатовский, качественный. – Таня накрыла ладонями журнальную статью, словно защищая ее от нападок. – Я бы сделала. Прикинь, что с мужиками должно твориться!

– Олька говорит, млеют! – захихикала Катя. – Они об этом уже сколько веков мечтают! Да за это нобелевку надо дать, как за виагру!

– И сама себя чувствуешь, наверное, по-другому, – предположила Таня.

– Ну конечно, – согласилась Кэт. – Я грудь-то когда сделала, потом такая гордая ходила, что мужики просто на взгляд и на осанку клевали. С одного показа чуть с Прохоровым не уехала. А тут такое!

– Жалко, когда я в институте училась, такое нельзя было сделать, – улыбнулась Таня.

– А тогда тебе и не нужно было, по молодости, – возразила Катя. – Естественные формы в мини обеспечивают сдачу любого зачета.

– Ну не знаю... Вдруг еще для чего-нибудь пригодится? – нахмурила бровки Таня. – Слушай, а сколько это стоит-то?

* * *

– Все зависит от объема вмешательства. – Приятный пожилой мужчина во врачебном костюме американского образца почтительно передал ей яркий проспект. – Мы предлагаем несколько стандартных вариантов имплантов. Базовый – *Shine!* – всего шесть тысяч евро, но это бюджетное решение, может быстро устареть. Потом идет эконо-класс, *Immediate Reaction*, стоит десять. Популярно среди тех, кто делает операции в кредит. Далее имплант *Illumination*, крепкий бизнес-класс, обойдется в пятнадцать тысяч. Ну и наш премиум, *Deep Blue*. Стоимость определяется индивидуально.

– А какие чаще берут? – Таня поерзала на бежевом кожаном диване.

– Смотря кто... – Доктор заговорщически улыбнулся, давая Тане понять, что достойные люди вроде нее не должны мелочиться.

– А кто вообще делает? – Таня вдруг испугалась оказаться не в тренде.

– Имена клиентов раскрывать мы не имеем права, сами понимаете, – посмотрел на нее с ласковым укором врач. – Но по секрету могу сказать, что через нас уже прошли несколько очень известных людей. Звезды эстрады первой величины.

– Правда? А среди них есть кто-то из тех, что на коньках катаются? – Танюша кивнула в сторону аристократической плазменной панели, демонстрирующей чудеса современной медицины.

Доктор с достоинством кивнул, и Таня расслабленно откинулась на спинку. Она так и знала: загадочные перемены, случившиеся с некоторыми участниками ледовых побоищ в последнее время, можно было объяснить только хирургическим вмешательством. Что-то другое вряд ли бы им помогло.

– Скажу вам больше. Мужчины к нам тоже обращаются, – доверительно сообщил доктор. – И очень серьезные люди.

– Они тоже собой в этом плане недовольны? – прыснула Танюша.

– Ну, они же меряются друг с другом, – подмигнул ей доктор как-то совсем по-мальчишески. – И даже у самых самодовольных иногда проскальзывают сомнения в своей состоятельности.

– И олигархи? – Она изумленно взмахнула ресницами.

– И даже сотрудники администрации, – шепнул ей врач. – Берут эксклюзив. Я слышал, им аппарат оплачивает.

– Вот это условия! – восторженно зарделась Таня. – Оплачивают даже аппарат... Значит, сейчас уже часто делаете?

– Нет, разумеется... Если честно, думаю, со временем все приличные страховые компании включают это в стандартный набор услуг. У нас ведь, сами понимаете, почти все население нуждается в такой операции. Генетическая проблема, еще классиком подмеченная. Делают же в Бразилии почти все поголовно уменьшение груди... А у нас вот другое наболело.

– Кстати, не больно? – вспомнила Таня.

– Ну что вы... Все делается на современном швейцарском оборудовании, под полным наркозом. Вот здесь, – доктор указал на висящую на стене схему, – делаем аккуратный над-рез...

– Ой, ладно, не рассказывайте, а то я еще передумаю. Где расписаться? – заторопилась она.

* * *

– Котенок! Я тебя заждалась! – Таня одернула черный пеньюарчик и отрепетировала призывный изгиб перед вмонтированным в шкаф зеркалом.

– Ща я, зубы почищу, – донесся усталый рык.

Наконец Армен, почесывая поросшие черным выюнком плечи, развалистой борцовской походкой преодолел тридцать метров от ванной комнаты до алькова. Навис над ней, ослабил узел, и тяжелое махровое полотенце упало на пол, давая Тане сигнал к действию.

– Котенок... – робко сказала она, снизу вверх заглядывая в его карие глаза. – Я хочу сделать тебе подарок.

Армен насторожился.

* * *

– Конечно же все программное обеспечение отечественного производства, – объяснил очкастый консультант. – Железо импортное, софт наш. Мы их ПО даже не устанавливаем, полная несовместимость, может сгореть.

– Ну ладно! А что из нашего есть? – протянул Армен с деланным безразличием.

– Вот, пожалуйста, несколько хороших пакетов. Это – «Умники и Умницы». Вся школьная программа до девятого класса включительно.

– А десятый – одиннадцатый? – возмутился Армен.

– Это в варианте «Большие Умники и Умницы». Но лично вам я рекомендую скорее пакет «Светская львица». Содержание всех номеров Vogue и l'Officiel за последние три года.

– Ой, хочу-хочу! – совсем как маленькая всплеснула руками Танюша.

– Стоимость – пятнадцать тысяч рублей, – сказал консультант. – Но если добавить всего десять тысяч, получите пакет «Интеллектуальная блондинка». Содержание всех номеров Vogue и l'Officiel за последние три года плюс школьная программа до одиннадцатого класса включительно.

– Ой-ой-ой! – Таня пришла в полный восторг и утратила дар речи.

– Слушай, брат, а попроще чего нет? Можно, чтобы с журнальчиками, но школа до девятого класса только? – отозвал консультанта в сторону Армен.

– Вообще-то есть, предыдущая версия «Блондинки». Однако стоит она ровно столько же, так что экономии никакой. Зачем вам?

– Ну как сказать? Вдруг слишком умной станет... – Армен опасливо оглянулся на свою подругу.

– А мы предоставляем вам возможность, так сказать, соблюдать паритет, – угодливо улыбнулся консультант. – Предлагаю вам пакет «Бизнесмен»: включает лицензионную копию «1С: Предприятие», «1С: Бухгалтерия», живой апдейт основных котировок плюс база сайта Индивидуалки. ру.

– Да я еще... – начал было Армен, но предложение звучало слишком заманчиво, и он подумал: какого черта, бабе можно, а ему нет?!

Оплатив покупку, пара перешла в другое помещение, столкнувшись в дверях с невысоким стильно одетым брюнетом средних лет. Подойдя к консультанту, Гольдовский спросил:

– Ну как?

– Вы знаете, Марат Яковлевич, мужчины неожиданно много берут. Их только название железа часто отпугивает.

– Ну да, ну да. Ну, может быть. В конце концов, тот же l'Oreal мужскую линию совсем по-другому дает... – бубнил себе под нос Гольдовский. – Ну, пусть для мужчин кремниевым называется... Хрен с ним, переделаем.

* * *

Танюша опустила веки и полной грудью вдохнула из пластиковой маски. Полупрозрачный поток снотворного газа подхватил ее, укачал и понес далеко-далеко, в новую прекрасную жизнь. Убедившись, что девушка спит, хирург включил циркулярку и поднес ее к Таниному темечку, на котором маркером была обозначена линия разреза.

Ассистент, дожидаясь своего часа, распаковывал крошечный чип, который предстояло вживить пациенту, и изучал недавно повешенный в операционной красочный постер.

Плакат, удачно стилизованный под американские rip-up-открытки пятидесятих, изображал белозубую блондинку с шикарными формами, которая держала в руках маленькую коробочку, перевязанную атласными лентами, и счастливо улыбалась.

Надпись на постере гласила:

«Подарите вашей любимой силиконовый мозг!»

Панспермия

– Надо! – твердо сказал Сергей.

Корейнка, зачарованно уставившись в его стальные глаза, безвольно кивнула. Еще когда по старинной советской традиции они всем экипажем семнадцатой экспедиции смотрели «Белое солнце пустыни» без перевода, в фойе байконуровской гостиницы «Космонавт», она знала, как все будет. Сергей тогда время от времени наклонялся к ней, чтобы нашептать на ухо перевод очередной шутки или киноцитаты, высеченной в граните времен, но она слышала только его чеканное русское «р». От него веяло спортивным мужским одеколоном, свежим и сладковатым. И каждый раз, когда он щекотал ее ушки своим мятным дыханием, когда она слышала его мягкое рычание, ее сердце на миг переставало биться. И когда за несколько секунд до старта он приподнялся, чтобы еще раз проверить, надежно ли ее тело опутано ремнями, и успокаивающе прикрыл ее руку своей ладонью, она уже отдалась судьбе.

Ее мечта о космосе началась с пубертатных грез о космонавтах. И почему-то не Нил Армстронг, не Эдвин Олдрин глядели со стены тесной девичьей спальни в ее кровать. Нет, сияющая улыбка русского пионера манила ее стократ сильнее. Она знала, что Гагарин погиб еще до того, как она появилась на свет. Но вырезанный из журнала черно-белый портрет в низком разрешении испускал почти видимую глазу ауру запретной чувственности. Он был русский, и любить его не полагалось. Он был павшим героем, и это придавало ему сходство с персонажем любимых анимэ.

– You have to, – ободряюще кивнул Олег. – It is an order. He's Commander of the Expedition, so he's your Commander, too¹.

– The command hasn't been handed over yet, – возразила Пегги Уитсон. – I'm still in charge here. And I officially object it. If you dare to consume alcohol aboard the ISS, I will formally complain to NASA².

– Come on, Peggy! – Бортинженер Маленченко сделал бровки домиком. – It was a hard long day. We've been so busy working, and then that press conference... We need to relax!³

– Oh Yuri, – Уитсон недовольно нахмурилась. – You start reminding me of those ridiculous ever-drunk Soviet cosmonauts from our stupid movies...⁴ – Peggy, please! – вступил наконец и сам Сергей. – You know that it is a very special day for us three...⁵ Еще немного дожать ее, ребята, – шепнул он Юрию и Олегу Кононенко.

– Very special day, – подтвердил Кононенко. – Very.⁶

– Oh guys, come on... – Голос Пегги дрогнул. – You can't be serious...⁷ – The 12th of April!⁸ – на всякий случай уточнил Волков.

Пегги растерянно оглянулась на своего соотечественника. Но Гаррет Райзмэн, с интересом наблюдавший за ходом прений, поспешно отвернулся и забегал пальцами по клавишам компьютера.

¹ Придется тебе это сделать. Это приказ. Он – командир Семнадцатой экспедиции, а значит, и твой командир тоже (англ.).

² Руководство МКС еще не было передано официально, а значит, команду здесь я. И я официально протестую. Если вы осмелитесь употреблять алкоголь на МКС, я пожалуюсь в НАСА (англ.).

³ Да ладно, Пегги! У нас был долгий и трудный день. Пришлось крепко потрудиться, а потом еще эта пресс-конференция! Надо же как-то расслабляться! (англ.)

⁴ О, Юрий! Ты начинаешь напоминать мне этих смехотворных вечно пьяных советских космонавтов из наших дурацких фильмов... (англ.)

⁵ Пегги, ну пожалуйста! Ты же знаешь, для нас троих сегодня – совершенно особенный день (англ.).

⁶ Очень особенный день. Очень (англ.).

⁷ Да ладно вам, ребята... Вы ведь это все не всерьез... (англ.)

⁸ 12 апреля! (англ.)

– The day of Cosmonautics!⁹ – торжественно объявил Сергей.

– Goddamn, I know it, believe me! We’ve been celebrating it the whole freaking day! This press conference, and these wonderful Korean salads!.. – Пегги сердито сверкнула глазами на корейянку. – Personally, I think we’ve been celebrating too much.¹⁰

– Сеансов связи сегодня больше не будет? – негромко уточнил Кононенко у Волкова.

– Я сказал, оборудование будет на профилактике. И вообще, у нас сейчас официально сон. Часа два точно в запасе есть. Отключай камеры.

– Peggy, it is safe, no one will know, – заверил упрямую американку Волков. – Word of officer!¹¹ – Excuse me? Oh, whatever?! Okay, guys... Anyway, with this mission I’ve just set a new world record, I don’t care, I can quit. Think about your careers yourself, what the hell I have to be your mummy... – Уитсон взъерошила челку. – Happy Day of Cosmonautics, people!¹² – О! – одобрительно загудел Кононенко, извлекая из кармана соску и отбирая у Волкова бутылку.

Движения его были скупы и отточены до совершенства. Детская соска была натянута на оголенное горлышко со скоростью, которой позавидовала бы любая профессионалка. Ни единой капли драгоценного напитка не было пролито зря. Отвинченная пробка крохотным Sputnik’ом отправилась в космическое странствие по собственной игрушечной орбите.

Кононенко почтительно передал сосуд командиру Семнадцатой экспедиции. Тот отсалютовал бутылкой суровой американке и подмигнул затрепетавшей Ли Со Ен.

– Dear colleagues, – начал он. – Exactly forty-seven years ago Yuri Gagarin was here, on the orbit. And he was the first human ever to do it. My father knew him personally, you know. Gagarin told him once he *saw things* during his flight... So every time someone was said Gagarin was *the first in space*, he would always correct this man. Only the *first human*, he always insisted...¹³

Он говорил и говорил на своем чудном и чудесном русском английском, и Пегги Уитсон уже морщинисто улыбалась, и Гаррет Райзмэн, осмелев, показался изза своего компьютера и потянулся к людям... А Ли Со Ен плыла в волшебной дреме. Время замедлилось для нее, и в одно слились две улыбки: мальчишеская, задорная – молодого русского командира, и порочная, зовущая – черно-белого Юрия Гагарина с портрета в ее спальне. И глаза Волкова блистали отражением звезд, увиденных Гагариным. Он воплотился в этом человеке и нашел ее. Теперь она была в этом уверена.

– So, let’s drink to the continuation of our international cooperation of space exploration, and to Yuri Gagarin, who paved the road to space for all of us, so that we could meet each other!¹⁴ – закруглил свое выступление Волков и джентльменски вручил бутылку Пегги.

– Na zdrowie! – сдержанно откликнулась та.

Уитсон, которая на правах командира, сдающего космическую вахту, должна была первой пригубить vodka, отнеслась к этой почетной обязанности донельзя формально и с видимым облегчением вернула бутылку русскому.

⁹ День космонавтики! (англ.)

¹⁰ Черт подери, я прекрасно знаю это, поверьте мне! Мы сегодня праздновали целый чертов день! И эта пресс-конференция, и эти распрекрасные корейские салатики!.. Лично я думаю, что мы как раз праздновали слишком бурно (англ.).

¹¹ Пегги, это совершенно безопасно, уверяю тебя! Слово офицера! (англ.)

¹² Что, простите? О, да какая разница?! Ладно, ребята. Неважно, лично я этой миссией установила новый мировой рекорд, мне-то все равно, могу и уволиться. Заботьтесь о своих карьерах сами, какого черта я должна быть вашей мамочкой... Счастливого Дня космонавтики! (англ.)

¹³ Дорогие коллеги! Ровно сорок семь лет назад Юрий Гагарин был здесь, на орбите. И он был первым человеком, который сделал это. А надо сказать, мой отец знал его лично. Гагарин сказал ему однажды, что во время того полета он видел такое... И с тех пор каждый раз, когда кто-то при нем говорил, что он был первым в космосе, Гагарин непременно уточнял: «Первым человеком в космосе» (англ.).

¹⁴ Так давайте же выпьем за продолжение международного сотрудничества в освоении космического пространства, и за Юрия Гагарина, который проложил дорогу в космос для каждого из нас, так что все мы смогли здесь встретиться (англ.).

– Все-таки боится, что свой же америкос и стуканет, – сквозь зубы поделился Маленченко с Кононенко.

– Ну и бог с ней, – тоже невнятно, стараясь не двигать губами, чтобы не попортить широкий дружественный оскал, ответил Олег.

– На здоровье! – принял вахту Волков и, решительно обхватив губами соску, сделал большой глоток. – So, So-Yeon Li, where are your famous Korean salads now?¹⁵ – обратился он к девушке.

Ли Со Ен зарделась, попыталась было поклониться, но не рассчитала сил и ушла в сальто. Вынырнула она из него совершенно пунцовая от смущения, и опытный космонавт, чтобы сгладить неловкость, в нарушение штабной культуры протянул бутылку сразу ей. Корейка, неожиданно даже для себя самой, вцепилась в сосуд, прикинула к нему и отважно вдохнула огненную жидкость. Алкоголь ласково притронулся к ее сознанию, навевая игривые ассоциации, заставляя вытянутое бутылочное горлышко с соской на конце превращаться... Превращаться...

– I'll bring the salads... Sergey. – Ли Со Ен отчаянно попыталась взять себя в руки. – Did you like the kchim-chi cabbage salad? The hot one?¹⁶ – Oh yeah... I always like it hot,¹⁷ – вальяжно растягивая гласные, ответил Волков.

Бутылка пошла по кругу. Пегги, сославшись на усталость, покинула компанию, но Гаррет остался. После полугодового отсутствия тренировок и с учетом невесомости, пол-литра по неизвестным астрофизическим формулам по воздействию приравнялись к полутора. Через несколько раундов Волков, увлекшись спором с Райзмэном, потерял корейку из фокуса. Салат из капусты кхимчи пользовался оглушительной популярностью. Ли Со Ен, время от времени пытаясь встретиться взглядом с Сергеем, пела для Маленченко и Кононенко свою любимую песню «Отвези меня на Луну». Сквозь иллюминаторы в кабину с нескрываемым любопытством заглядывала Земля, ожидая развязки.

– I'll tell you what. – Обычно сдержанный Райзмэн распалился и жестикулировал с такой силой, что с трудом удерживался на месте. – I am no rookie in this space business. I've graduated California Tech. And I don't believe in all this black cats crap... But look... The more I learn about organic chemistry, the more I think about life on Earth... The less I believe it could just *appear out of nowhere*... I'm telling you. It was created. We all were created. There's God's hand in it.¹⁸

– Garrett! – горячился Волков. – You know, religion is back in fashion in Russia. But communism had one right thing: materialism. And you will not convince me that this entire fucking Universe, – он подплыл к иллюминатору и махнул рукой на звезды, крупные и яркие, как в Сочи, – was just created by someone.¹⁹ Дудки!

– Okay! Okay! But do you seriously believe that life has just occasionally appeared on Earth? Do you really think that it has never existed elsewhere, and then, nowhere but on our goddamn little planet it just occasionally sprang up? Come on!²⁰ – Райзмэн вернулся от иллюминатора к бутылке.

– О чем они спорят? – спросил Маленченко у Кононенко.

– Откуда взялась жизнь на Земле, – нетвердо отозвался тот.

– До вопроса жизни на Марсе еще не дошли?

¹⁵ Итак, Ли Со Ен, где там были твои знаменитые корейские салатики? (англ.)

¹⁶ Я принесу салаты... Сергей. Вам понравился салат из капусты кхимчи? Острый? (англ.)

¹⁷ О да. Я люблю все острое... и горячее (англ.).

¹⁸ А я тебе вот что скажу. В космическом деле я не новичок, и вообще я технарь, Калифорнийский Технический оканчивал, и я не верю в черных кошек там и во все такое. Но слушай... Чем больше я знакомлюсь с органической химией, чем больше думаю о происхождении жизни на Земле, тем меньше я могу поверить в то, что она просто взяла и появилась из ниоткуда. Говорю тебе, ее создали. Всех нас создали. Тут рука Господа (англ.).

¹⁹ Гарретт! Ты знаешь, у нас в России религия сейчас снова в моде. Но и в коммунизме было кое-что хорошее – материалистическое мышление. И ты меня не убедишь в том, что вся эта чертова Вселенная была создана кем-то одним (англ.).

²⁰ Хорошо! Хорошо! Ну и что же, ты веришь в то, что нигде во Вселенной жизни больше нет и никогда не было и только на нашей маленькой забытой планетке она взяла и прямо так появилась? Хорош! (англ.)

– Приближаются, – оценил ситуацию Кононенко.

– The so-called «vodka effect», – ухмыльнулся Маленченко. – Мужики! – вмешался он в дискуссию Волкова и Райзмэна. – Have you ever heard of the Panspermia theory?²¹ – What? – поморщился американец.

– There's a theory saying that all the life in the Universe comes from one source... And it spreads like a virus through the galaxies... Probably, someone is deliberately sowing its seeds... And probably, it's just happening occasionally.²²

– Okay, I can agree that there was some meteor that contained some bacteria as it strikes the empty and dead Earth, – допустил Волков. – And that it can bring the seeds of life to it. But hell, it doesn't explain how these bacteria appeared where they came from...²³

– Came from somewhere else, I suppose,²⁴ – пожал плечами Маленченко.

– I think you could be right, – неожиданно поддержал Юрия американец. – Life coming from one source in the Universe... That's it. That's it!²⁵ – That's what?²⁶ – уточнил Волков, прикладываясь к бутылке.

– That's a clear manifestation of God himself! One origin, sowing life throughout the galaxies...²⁷

– Whatever, – устало согласился с ним Волков. – If you're happy with it...²⁸ – Absolutely. There's God's hand in giving birth to life, and God's will in spreading it, in transporting its every piece in the right direction, giving it a soil where it can prosper and reproduce!²⁹ Ли Со Ен, поникшая от нехватки мужского внимания и развлекавшаяся игрой с корейским национальным цветком, который она пыталась поместить в водяной шар, при слове «репродукция» воспряла и кинула полный надежды взгляд на Волкова. Тот, уставший от экзистенциальных дебатов, улыбнулся и кивнул ей.

– Some more kchim-chi salad?³⁰ – робко спросила она.

– Yes, please. I need something hot. Very much,³¹ – вспомнил он точку, на которой преврался их многообещающий разговор.

Корейка незаметным движением высвободила волосы из колодок заколки, и они, раз-метавшись черными лучами вокруг ее точеного личика, превратили ее в настоящую маленькую звезду. В звезду, которая и была подлинной целью его космической одиссеи.

Райзмэн, наставительно воздев палец кверху, вскрикнул «God's will!» и захрапел. Маленченко и Кононенко, видя, что орбиты Ли Со Ен и их командира пересекаются со всей неизбежностью, тактично ретировались.

²¹ Так называемый «водка-эффект»... Вы когда-нибудь слышали о теории панспермии? (англ.)

²² Есть такая теория, которая утверждает, что вся жизнь во Вселенной происходит из одного источника и она распространяется по галактикам как вирус. Возможно, кто-то намеренно сеет ее семена... А может быть, все это происходит случайно (англ.).

²³ О'кей, я могу согласиться, что некий метеор нес на себе некие бактерии, когда он упал на пустынную и неживую Землю. И что он мог занести семена жизни на нее. Но, черт подери, это не объясняет, откуда эти бактерии взялись там, откуда они попали к нам! (англ.)

²⁴ Прилетели еще откуда-нибудь, видимо... (англ.)

²⁵ Думаю, что ты прав! Жизнь, происходящая из одного источника во Вселенной. Да! Это оно! (англ.)

²⁶ Что – оно? (англ.)

²⁷ Это ясное проявление Господа! Единый источник, сеющий жизнь по всем галактикам! (англ.)

²⁸ Ну и фиг с ним. Если тебя это устраивает... (англ.)

²⁹ Абсолютно! Очевидно вмешательство руки Господней в зарождении жизни и Божественной воли в распространении ее по Вселенной. В том, что каждая ее частичка направлялась на благодатную почву, туда, где она смогла бы процветать и размножаться! (англ.)

³⁰ Может, еще салатика из капусты кхимчи? (англ.)

³¹ Да, было бы здорово. Мне сейчас очень нужно что-нибудь острое. И горячее. Очень (англ.).

Волков обнял Ли Со Ен за талию и увлек к иллюминатору. Она уперлась ладонями в стену, а разгоряченным лбом – в холодное черное стекло. Он испытующе провел рукой по ее гибкой кошачьей спине; она льнула к нему, отзывалась чутко на каждое его движение. Он играючи, словно обхаживая клавиши аккордеона, расстегнул враз все застёжки на ее комбинезоне, и миг спустя тот ушел в свободный полет. Тогда Сергей по-хозяйски намотал прекрасные смоляные волосы Ли Со Ен на кулак и показал ей звезды.

* * *

– Олег, вставай! – Волков тряхнул Кононенко за плечо.

– Что такое? – Бортинженер с трудом продрал глаза и удивленно уставился на командира 17-й экспедиции.

– Надо от вещдоков избавляться.

– Выходить будешь? – очнулся наконец Олег.

– А что делать? Протащить бутылку на борт еще как-то можно... А куда ее тут прятать? Вдруг во время сеанса связи выплывет...

– А что ЦУПу докладывать? – лихорадочно пытался сообразить Кононенко.

– Как обычно. Обнаружены неполадки в одной из солнечных батарей. Принято решение внепланово выйти в открытый космос и устранить неисправность.

Створка шлюза раскрылась, и от причудливого белого коралла МКС отделился бесформенный полупрозрачный пузырь. Неспешно переваливаясь и перетекая, он иногда выпячивал из своего чрева цилиндрические очертания – словно ребенок бил в живот матери ножкой изнутри – и снова поглощал их.

По подсчетам, на земной орбите находятся 1147 тысяч предметов так называемого космического мусора. Замороженные до температуры абсолютного нуля, не подверженные тлену, они навечно обречены водить свой проклятый хоровод вокруг нашей планеты. Целлофановый пакет, содержащий пустую водочную бутылку, и завязанный на бесхитростный узелок использованный презерватив ожидала та же тоскливая судьба.

Все изменил астероид, зарегистрированный в звездном каталоге под номером 18794 и известный астрономам под именем «Айюб Гулиев». В какой-то момент его траектория перерезала планетарную орбиту и, подхватив целлофановый пакет, унесла его за пределы Солнечной системы. Через несколько тысячелетий он столкнулся с другим космическим телом, не учтенным астрономами уже опустевшей Земли. Пакет сделал пересадку и отправился в созвездие Тау Кита, где спустя полтора миллиона лет вошел в прореженную кислородную атмосферу одной из планет и упал в безжизненный водородный океан.

Шестьсот миллионов сперматозоидов – практически население всей Европы – погибли при посадке. Но более примитивные организмы сумели выжить. И размножиться.

* * *

– God's will!³² – всхрипнул Гарретт Райзмэн.

– Оттащи его в каюту, пока он не проснулся, – приказал Волков Кононенко, пряча детскую соску в нагрудный карман комбинезона.

³² Воля Господня!

Перед штилем

Из окна Иванова, заслоняя собой вид на город, было видно только непостижимо большой воздушный шар с надписью «Вперед, Россия!». Андрей Богов смотрел на этот шар, моргал, пытался проглотить вставший в горле ком, силился что-то сказать и не мог...

– Прости, Андрей, ничего личного, – дежурно вздохнул Иванов.

Тело Богова сковал могильный холод. Эта гангстерская отговорка, с которой его сейчас заливали цементом, готовясь сбросить в Гудзон забвения, и эта гангстерская легкость и безжалостность, с которой ему вынесли приговор... Нет, его не пугали, просто решили с ним расправиться, не объясняя даже, где и когда он оступился, как будто он не служил им верно все эти годы. Им? Народу!

– Лучше пристрели меня, – попросил Богов у Иванова.

– Ну-ну, зачем драматизировать? – холодно улыбнулся тот. – Жизнь не заканчивается.

– Для ведущего самой рейтинговой программы канала Икс-ТВ – с отлучением от эфира?!.. Разумеется, жизнь заканчивается! – с жаром воскликнул Богов.

– Некогда самой рейтинговой, – поправил его Иванов.

– Да, я видел, цифры падают... Но это сезонное! И в прошлом году апрель был мертвым... А с сентября я планировал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.